

МОРСКОЙ СБОРНИК,
издаваемый Морским Учебным Комитетом. Год 1855. Книжки 1—9
(январь — сентябрь)

Заслуженное уважение, которым начал в последнее время пользоваться «Морской Сборник», и многие, в высокой степени интересные особенности этого издания поставляют в обязанность каждому журналу, желающему беседовать с своими читателями об истинно важных явлениях нашей литературы, посвятить разбору «Морского Сборника» особенную и подробную статью. В самом деле, по общему мнению всех внимательно следивших за «Морским Сборником» с конца прошедшего года, он составляет одно из замечательнейших явлений нашей литературы, — быть может, самое замечательное во многих отношениях. И достаточно хотя в легком очерке указать основания, по которым произойдет такое суждение, чтобы убедить в его справедливости тех читателей, которые сами еще не имели случая познакомиться с достоинствами издания, о котором мы говорим.

Мы должны начать с того замечательного факта, которому должно приписывать самое благоприятное и сильное влияние на качества, сообщившие этому изданию особенную важность. Этот факт — высокое покровительство и, скажем более, руководство его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, дающего направление морскому министерству по званию генерал-адмирала, носимому его высочеством, которому угодно обращать свою высокую заботливость и на усовершенствование ученого издания, принадлежащего его министерству.

Только при этом высоком покровительстве и руководительстве «Морской Сборник» мог сделаться тем, чем он сделался по согласному мнению публики: то есть замечательнейшим из наших специальных журналов и по учено-литературному достоинству статей, и по высокой важности помещаемых в нем официальных документов.

Быстрое совершенствование замечалось в «Морском Сборнике» уже довольно давно; но особенно почетное место в нашей

литературе занял он с нынешнего года, когда официальный отдел его расширился вследствие известий о подвигах и судьбе защитников Севастополя, между которыми столь блестящим образом отличались наши черноморские моряки, а неофициальная часть приобрела некоторые новые отделы и существовавший прежде учено-литературный отдел обогатился многими прекрасными статьями.

Следуя порядку программы «Морского Сборника» и оставляя, как независимый от редакции журнала, чисто-административный *первый* отдел его (постановления и распоряжения правительства), отличаемый и внешним образом от остальной части издания римскими цифрами в нумерации страниц, мы начинаем обозрение «Морского Сборника» за первые девять месяцев текущего года рассмотрением его второй рубрики, носящей заглавие: «Официальные статьи и известия». Это один из тех отделов, которые отличаются особенно превосходным характером и наиболее содействовали возбуждению сочувствия к «Морскому Сборнику» во всех его читателях. То направление, которое указал журналу его высокий руководитель, непосредственно выразилось в составе и духе отдела, о котором теперь мы говорим. Кто подумал бы, что здесь преобладает однообразный и сухой тон, который многим кажется необходимым спутником официального изложения, ошибся бы в настоящем случае: большая часть отчетов и донесений, напечатанных в «Морском Сборнике», представляют для внимательного человека чтение поучительное. Мы не говорим о письмах «Сестер Крестовоздвиженской Общины», предполагая, что все наши читатели уже достаточно знакомы с их высоким интересом, потому что газеты постоянно перепечатаывали извлечения из этих писем, равно замечательных по живости и точности рассказа о различных эпизодах страшной и славной осады Севастополя, о положении раненых геройских защитников этой крепости, по скромности и правде, с которою сестры говорят о своих неутомимых попечениях на спасение и успокоение страждущих. Мы не говорим также о донесениях гг. Мансурова и Доргобужина, на которых возложена обязанность заботиться о раненых моряках, — они также представляют самую верную картину наших севастопольских госпиталей и служат лучшим свидетельством человеколюбивой заботливости морского управления о своих подчиненных — эти донесения мы также предполагаем известными читателю. Но, чтобы продолжать перечень статей, относящихся к защитникам Севастополя, упомянем о «списках раненых нижних чинов Черноморского флота», постоянно помещаемых в «Морском Сборнике»: доселе мы знали только общие цифры, здесь в первый раз было введено прекрасное правило сохранять для памяти имена не только офицеров, но и простых воинов, пострадавших за отечество, и передавать для сведения родственникам известия о их положении. Нет надобности распро-

страняться о впечатлении, которое производят на читателей эти списки:

«Херсонской губернии, Александрийского уезда. Деревни Байдановки. 17-го рабочего экипажа мастеровой Прокофий Клименко. На 10 бастионе, 10-го октября, ядром оторвало левую ногу. Нога отнята выше колена. Выздоровливает. — Деревни Чистополь. Матрос 32-го флотского экипажа Михаил Горкуш, на 4-м бастионе, 22-го октября, осколком бомбы ранен в голову. Рана заживает. Почти здоров...»

Да, мужественные защитники родных укреплений, принадлежащие к морскому ведомству, ваши имена не остались неизвестными, они внесены в летопись той осады, которая, благодаря вашей беспредельной храбрости, вынудила у самих врагов признание о доблестях русского воина. Вслед за этими списками читатель постоянно находит многочисленные известия о мерах начальства к призрению матросов, оправившихся от ран. Все они были спрашиваемы, в чем теперь состоят их желания, которые по возможности будут выполнены правительством. И сколько скромности, самоотвержения было выказано этими страдальцами! — Вообще, они сохраняли убеждение, что, жертвуя своею кровью, только исполнили свой долг и не считали себя имеющими какие-либо особенные права на благодарность и пособия; нужно было настоятельно требовать, чтоб они высказали свои желания, — иначе они молчали, не думая просить ни о чем; да и будучи настоятельными расспросами принуждены говорить, большая часть из этих воинов ограничивали свои желания — возвращением на бастионы или общим, скромным препоручением себя милостивой заботливости начальства... Вот, например, каковы были ответы 653 раненых матросов, о которых известия передаются в январской книжке «Морского Сборника»:

«На вопросы, в чем состоят их нужды, чего желают для себя или для родных, они почти все единогласно отвечают: «Батюшка царь не оставит нас, а мы желаем, если господь поможет выздороветь, то поскорее явиться к товарищам на бастионы, отплатить врагам». При настоятельном же требовании от них указания на способы пособия, выразили желание:

Отправиться на родину	31
Получить денежное пособие для семейств	3
Освободить детей из кантонистов	8
Выкупить сестру из крепостного состояния	1
Не в силах были говорить	5

«Изъявили вообще упование на милосердие начальства 228; остальные 377 человек просили одной милости — позволить им вернуться на бастионы и в команды».

Сколько мыслей родят эти строки, запечатленные такую поразительною правдою! Из 653 человек только 43, да и то единственно по повторенному требованию, изъявляют определенные желания и надежды, — и как скромны эти желания! Остальные — говорят только, что поручают себя милости начальства —

пусть оно само чем-нибудь наградит их, если находит достойными награды... А большая часть не произносят даже и этих слов... Как ярко обрисовывается одним таким фактом жизнь русского воина, умирающего за отечество, не ожидая воздаяний! Как хорошо обрисовывается ими жизнь русского простолюдина вообще! — Но морское начальство, как видим из «Сборника», хочет, чтобы верная служба отечеству не осталась без воздаяний для этих людей, столь чуждых даже мысли о воздаянии. И «Морской Сборник», исполняя эту цель правительства в литературной сфере, передает нам достойные памяти имена всех нижних чинов его ведомства, проливших кровь за родину, и прилагает к своим книжкам портрет и краткую биографию то одного, то другого из этих скромных, но истинных героев. Так, при мартовской книжке находим портрет унтер-офицера Круглова, при июньской — квартирмейстера Полукарова, при июльской — боцмана Буденко, при первой августовской — квартирмейстера Карасикова, при первой сентябрьской — боцмана Ананьина.

Многие из отчетов по различным частям морского управления, напечатанные в «Сборнике», представляют читателю очень важный интерес, заключая в себе не только изложение фактов, но и выводы, замечательные по своей полноте и точности и вместе с тем служа убедительнейшими доказательствами неусыпной ревности морского министерства об усовершенствованиях по всем частям подведомственных ему учреждений. Не перечисляя всех таких отчетов, чтобы не утомлять читателей слишком длинным списком, назовем, в пример, только отчеты по медицинской части, по ревизионному управлению и по комиссариатскому департаменту. Для ознакомления читателей, еще не имевших под руками «Морского Сборника», с характером этих официальных документов, позволяем себе привести здесь небольшую выписку из заключительных замечаний «отчета директора Комиссариатского департамента за 1854 год».

«Усиленная деятельность Комиссариатского департамента в прошедшем году, вынужденная обстоятельствами, не осталась бесплодною. Она обнаружила многие хорошие и дурные стороны разных частей управления, и приобретенный опыт будет служить основанием дальнейших усовершенствований.

Усиление состава флота, вооружение всех трех дивизий, назначение шестимесячной кампании, формирование запасных рот и морского ополчения, — все эти обстоятельства застали департамент, так сказать, врасплох, ибо не могли быть предварены никакими подготовительными распоряжениями, и притом в такое время года, когда все подряды и контракты заключены, и всякая медленность в заготовлениях отнимала возможность успеха.

Сложность учреждения хозяйственного управления представилась первым препятствием к успешным действиям. Необходимость заставила департамент в некоторых случаях приступать к исполнению распоряжений, не ожидая утверждения оных высшими инстанциями. Впоследствии, с высочайшего соизволения, предоставлено было директору департамента в некоторых случаях распоряжаться непосредственно и таким образом дана была возможность неупустительно принимать меры к полному обеспечению флота необходимыми потребностями.

Обыкновенные способы заготовлений, посредством подряда и гласных публичных торгов, во многих случаях оказались неудобными; ибо всякое объявление, заранее сделанное, возвышало цену на требуемый предмет и отнимало возможность приобретать его из первых рук. Поэтому департамент вынужден был хозяйственным образом, чрез агентов, делать некоторые закупки на бирже и у фабрикантов, и таким образом вошел в непосредственное сношение с лицами, которые до сего времени не имели обыкновения вступать в обязательство с казною.

В истекшем году опыты заготовлений разных материалов и продуктов из первых рук увенчались полным успехом, ибо почти все произведенные таким образом закупки, несмотря на спешность, обошлись казне дешевле, чем заготовление чрез посредство подставных подрядчиков, и особенно отличались превосходным качеством приобретенных продуктов.

Но произведенный опыт убедил также департамент и в той истине, что полезное улучшение не может ограничиться одним привлечением к участию в делах людей благонадежных, ибо это участие обуславливается необходимыми преобразованиями подведомственных департаменту управлений. Все усилия департамента возбудить в честных торговцах и фабрикантах желание иметь с казною дело останутся тщетными до тех пор, пока управления, от которых зависит прием товаров, не получат образование, более согласное с целью их учреждения.

Существенный недостаток в определительных и точных штатах отдельных команд и отсутствие свода табелей обмундирования крайне затрудняли и продолжают затруднять департамент, при проверке требований командиров, по предметам комиссариатского довольствия. Департамент в течение всего истекшего года старался собрать все необходимые сведения, чтобы привести в ясность сию важную часть. Но огромный труд свода табелей обмундирования и штатов не мог быть кончен, хотя часть его уже готова. В течение нынешнего года департамент надеется представить на утверждение начальства все свои предположения насчет правильного устройства и упрощения порядка довольствия команд мундирными материалами. В настоящее время должно сознаться, что неопределенность требований, замеченная и устраненная в смете Комиссариатского департамента, еще вполне существует в требованиях командиров и отпусках комиссариата.

Необыкновенно продолжительная кампания прошедшего года обнаружила ясно все недостатки существующего порядка отчетности командиров и все затруднения, с которыми сопряжено точное соблюдение всех предписанных форм. В видах улучшения сей важной части, составлен уже департаментом проект совершенно нового устройства отчетности по расходу морской провизии, и проект этот, ежели будет утвержден высшим начальством, будет приведен в исполнение в кампанию нынешнего года.

По воле его императорского высочества управляющего Морским Министерством, все гг. дивизионные командиры представили замечания свои о недостатках по комиссариатской и провиантной частям, замеченных ими в продолжение кампании прошедшего года» *.

Кроме исчисленных нами разнообразных и в высокой степени важных донесений, отчетов и списков по различным отраслям морского управления, в «отделе официальных статей и известий» находим в каждом нумере «Сборника» по несколько <статей> научного содержания, из которых назовем отчеты о опытах над прикшинским каменным углем (№ 4-й, отд. II, и № 8, вторая часть, отд. II); историко-статистические описания Ижорских (№ 5-й, отд. II) и Александровского заводов (№ 7-й, отд. II),

* Морск. Сборн., 1855 г., № 2, отд. II, стр. 238.

статья о морских библиотеках, севастопольской (№ 3-й, отд. II) и кронштадтской (№ 6-й, отд. II).

Опыты, произведенные, по приказанию его императорского высочества генерал-адмирала, контр-адмиралом фон Шанцем над новгородским прикшинским каменным углем, приводят к следующему выводу: «с высушенным прикшинским углем можно, в случае нужды, производить самые простые кузнечные работы, не требующие сварки. Употребление его (сравнительно с английским углем) сопряжено с лишнею тратой времени и самого топлива. Кроме того, прикшинский уголь может производить на обрабатываемое железо до некоторой степени вредное влияние» (№ 4, отд. II, стр. 310). При вопросе о распространении употребления русского угля, возбужденном в последнее время, выводы эти очень важны.

«Описание Адмиралтейских Ижорских заводов» составлено г. подполковником Швабе. На месте нынешних Ижорских заводов были в 1714 г., по указу Петра Великого, устроены пильные мельницы. Но объем этих заводов оставался незначительным до начала текущего столетия, когда положено основание настоящему их устройству. Ныне Ижорские заводы состоят из 13 различных отделений, как-то: молотовые заводы, медно-литейный и пильный завод, якорный завод и проч.

Александровский пушечный завод (в Петрозаводске) основан также Петром Великим и сначала изготовлял ежегодно орудий по 40 тысяч пудов и снарядов до 60 тысяч пудов. Ныне же производит он вдвое большее количество.

Морская севастопольская библиотека была основана в 1821 году командиром черноморского флота, адмиралом Грейгом. В 1834 году адмирал Лазарев предложил офицерам пожертвовать по одному проценту из жалованья на построение для этой библиотеки отдельного здания; предложение было единодушно принято, и на значительный капитал, составившийся таким образом, было построено, при пособии от покойного государя императора Николая I, прекрасное здание, открытое в 1844 году. Но через восемь месяцев после открытия оно сгорело; тогда покойный государь император благоволил пожаловать 52 000 р. серебром на построение нового здания библиотеки, которое и было открыто в 1850 году. В октябре прошедшего года библиотека содержала 8 300 сочинений, на разных языках, в 15 334 томах. На приобретение новых книг и поддержание заведения употреблялось ежегодно до 5 600 р. серебром. Она была средоточием жизни всех офицеров в Севастополе. С открытием осады великолепное здание начало страдать от бомб, из которых одна, пробив крышу, произвела пожар, который с трудом был потушен. Тогда постоянный покровитель библиотеки, покойный государь император, вновь благоволил пожаловать 25 000 р. серебром на ее исправление.

Флотская библиотека в Кронштадте, существующая с 1832 года, составила и поддерживается, подобно севастопольской, вычетом одного процента из жалованья флотских офицеров, ею пользующихся. По словам отчета, «с появлением в Кронштадте библиотеки образ жизни морских офицеров много изменился: чтение и дельные умственные занятия начали соделываться необходимою потребностью для молодых людей, ее посещающих». К 1 января текущего года библиотека эта заключала сочинений на русском языке 7 907; на французском — 1 607; на английском — 814 и на немецком — 1 560, на других — 44, всего 11 995 сочинений и, кроме того, богатую коллекцию географических карт.

Третий отдел «Сборника» — гидрографический, введен в это издание с нынешнего года и предназначен заменить собою «Записки Гидрографического Департамента», издававшиеся прежде отдельным журналом. Одна из рубрик этого нового отдела, «Лодманские заметки», также заменяет собою издававшиеся прежде от гидрографического департамента отдельными книжками «Известия о переменах по Лодии». Чрез это соединение с журналом, представляющим общий интерес, статьям гидрографическим дается больший круг читателей, а «Лодманские известия», постоянно печатаясь в издании, выходившем прежде ежемесячно, а в последнее время (с августа) даже по две книжки в месяц, приобретают возможность своевременнее доходить до людей, которым необходимы эти сведения.

Обширнейшая из помещенных в гидрографическом отделе статей — «Карты лейтенанта Мори» (№ 6, 7, 8). В наших литературных журналах довольно часто упоминалось об этих картах, чрезвычайно важных и для мореплавания, и для физической географии; но «Морской Сборник» первый сообщил о них подробные известия. «Карты ветров и дождей» лейтенант Мори успел издать пока еще только для Атлантического океана от экватора до 60° северной широты. Поверхность океана разделена в них на квадраты по 5° географической широты и долготы и для каждого такого квадрата показано, какие ветры и как часто дуют на этом пространстве в течение каждого из месяцев года, как часто господствуют штили, туманы, случаются бури и т. д. На основании этих карт составлены для каждого месяца года «Лодманские карты», по которым корабль, идущий из Европы в Америку или обратно, может, смотря по эпохе года, к которой относится его плавание, выбрать для себя выгоднейший путь, по которому найдет наиболее благоприятных и наименее противных ветров, избежит туманов и бурь, одним словом, быстрее и безопаснее, нежели по другим направлениям, достигнет своей цели. Сколько пользы приносят эти карты, уже доказано опытом; так, например, корабли, следующие их указаниям, сокращают себе плавание от Соединенных Штатов до экватора во многих случаях на целые

две недели. Еще значительнейшую пользу принесут приготовляемые к изданию карты южной половины Атлантического океана и Тихого океана. Не менее важны изданные лейтенантом Мори карты пассатных ветров, также морских течений и температуры воды на поверхности океана. Из соединения фактов, указываемых всеми этими картами, составлены лейтенантом Мори общие «Путевые карты» для кораблей, переплывающих Атлантический океан. Более частное назначение имеют его «Китоловные карты», указывающие, в какие месяцы года и в каких местах океана наиболее встречаются киты различных пород. Непосредственная цель всех этих трудов — польза мореплавания; но с тем вместе они приводят к многочисленным выводам, имеющим большую цену и для науки.

В первой половине девятого нумера помещен перевод статьи самого лейтенанта Мори о лучшем средстве предотвратить столкновения между кораблями на пути между Европою и Америкою; он предлагает избрать отдельные пути для пароходов, идущих из Европы и из Америки, — тогда они будут вне опасности встречаться между собою; а парусные суда, которые будут ходить в полосе, лежащей между дорогами пароходов, будут безопасны от встречи с ними.

Как бы введением к изложению трудов лейтенанта Мори служит статья «Новейшие успехи гидрографии» (№ 6-й), излагающая преимущественно теорию течений и приливов.

Кроме того, в гидрографическом отделе помещены следующие статьи: Описание восточного берега Кореи (№ 1); Карта полуострова Кореи (№ 4); Замечания о северном Китайском море (№ 5); Порт Сан-пио-Квинто на острове Камигуине (№ 2); пояснительная записка к карте низовьев Сыр-Дарьи (№ 2); Очерк берегов Каспийского моря, г. Ивашинцова (№ 3); Гидрографические труды Ф. Ф. Беллингсгаузена на Черном море г. Соколова (№ 6); Исследование шторма, бывшего на Черном море 14 ноября 1854 г. (№ 8), г. Ивашинцова. Некоторые из этих статей, особенно описания Кореи, низовьев Сыр-Дарьи, северной части Китайского моря, Каспийского моря и приложенные к ним карты, имеют несомненную важность для науки. Из описания «Библиотеки Гидрографического Департамента» (№ 4) мы узнаем, что это богатое собрание включает в себе ныне до 11 189 сочинений, в 40 000 томах, и в том числе много сочинений, замечательных по своей редкости.

Четвертый отдел «Морского Сборника» — учено-литературный, включает в себе статьи, наиболее занимательные для большинства читателей, и мы будем говорить о них с большими подробностями, нежели о статьях гидрографического отдела, чисто специальных. В девяти нумерах «Морского Сборника», нами рассматриваемых, находим по этому отделу очень много и очень разнообразных сочинений. Из биографических рассказов

о деятельности замечательных сановников нашего флота мы назовем: «Воспоминание о жизни и службе адмирала А. П. Авинова» (№ 1); «Вице-адмирал М. И. Ратманов» (№ 3); «Адмирал А. И. фон-Круз» (№ 6); «Бригадир М. Л. Леонтьев» (№ 8); «Адмирал Нахимов» (№ 8); наконец, очень подробную и интересную биографию адмирала Д. Н. Сенявина, составленную г. Арцымовичем (№№ 4 и 8). Начало этой биографии особенно интересно потому, что в нее внесены целые страницы из записок самого Сенявина о своей жизни. Приводим два или три небольшие отрывка из этих записок.

«Батюшка сам отвез меня в (Морской) корпус, прямо к майору Г—ву; они скоро ознакомились и скоро подгуляли. Тогда (около 1773 г.) было время такое, без хмельного ничего не делалось. Распрощавшись меж собой, батюшка сел в сани, я поцеловал его руку; он перекрестил меня и сказал: «Прости, Митюха! спущен корабль на воду, отдан богу на руки — пошел!» — и вмиг с глаз скрылся».

Мальчик начал шалить и лениться, так что три года просидел в одном классе; но приехал в Кронштадт его дядя и принял меры к исправлению 14-летнего племянника; взяв его к себе, объяснил ему вред лени, а —

«В заключение крикнул людей с розгами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной; право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная за то благодарность. После, обласкав меня попрежнему, подарил конфетами и сам проводил меня в корпус, решительно подтвердив на прощанье, чтоб я выбрал себе любое: либо учиться, либо каждую неделю будут мне такие же секанции. Возвратясь в корпус, я призадумался; уже и резвость на ум нейдет, пришел в класс, выучил скоро мои уроки; и дело пошло изрядно».

Но вот юноша произведен в офицеры и определен на эскадру, крейсирующую у португальских берегов. Она зимует в Лиссабоне, и молодой офицер принят в хорошем обществе — здесь ожидает его первая любовь:

«В этих собраниях были всякий раз две сестры англичанки, по фамилии П. Меньшая называлась Нанси; ей было около 15-ти лет. Мы друг другу очень нравились. Я всегда просил ее танцевать; она ни с кем почти не танцевала, кроме как со мной. К столу идти — я к ней подхожу или она ко мне подбежит, и всегда вместе. Она выучила по-русски несколько приветливых слов и говорила со мной; я на другой раз, выучив по-английски, отвечал ей прилично; и мы так свыклись, что последний раз на прощанье очень и очень скупали, чуть ли не плакали».

Через несколько времени Сенявин был уже адъютантом при адмирале Макензи, которому помогал в работах при построении первых укреплений и зданий в Севастополе. Приводим из его записок отрывок о посещении новооснованного порта и флота императрицею Екатериною II.

«При вступлении на катер государыня, милостиво приветствуя людей, изволила сказать: «здравствуйте, друзья мои! Как далеко я ехала, чтоб только видеть вас!» Тут матрос Жаров (который после был лучший шкипер во флоте) отвечал ей: «От евдакой матушки царицы чего не может

статься!» (как хотите, так и разбирайте ответ матроса, едва знающего читать да писать). Государыня, оборотясь к графу Войновичу, сказала по-французски с большим, как казалось, удовольствием: «Какие ораторы твои матросы!» Гребцы были подобраны, как говорится, молодец к молодцу: росту были не менее каждый десяти вершков, прекрасные лица и бою, на правой стороне все были блондины, а на левой — все брюнеты. Одежда их была: ранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки, в башмаках, тонкие полотняные рубашки, галстух тафтяный того же цвета, пышно завязан; а когда люди гребли, тогда узел галстуха с концами закинут был на спину; Фуфайка ранжевая, тонкого сукна, выложена разными узорами черного шнура (цвета ранжевый и черный означают герб императорский); шляпа круглая с широким галуном с кистями и султаном страусовых перьев. Катер блеснул от позолоты и лаку. Прочие капитанские катера выкрашены также наилучшими красками под лак. Гребцы были одеты в тонкие синего сукна фуфайки; брюки шелковые полосатые; розовый платок или галстух и шляпы с позументами. Люди на ряях поставлены были в летнем платье: фуфайки и широкие брюки белые, шелковый галстух, круглые шляпы и в башмаках; кушаки были, по кораблям, разных цветов, наподобие лент георгиевских, владимирских. За единообразием в то время не гнались, было бы только пристойно, и хорошо. Лишь только катер с государыней отвалил от берега и показался штандарт, в то самое время с судов всего флота и крепостей салютовано с каждого по 101 выстрелу. Потом государыня прибыла противу середины флота, салютовано в другой раз. Наконец, по прибытии императрицы к пристани, по снятии штандарта, салютовано в третий раз по столько же выстрелов. День ясный, клонился к вечеру; теплота воздуха охлаждалась легким ветром с моря и все это вместе приветствовало шествие государыни наивеликолепным образом. По прибытии ее величества во дворец, генералитет, штаб и обер-офицеры были представлены и все удостоены руки ее величества. Я находился в это время на корабле и был занят некоторыми распоряжениями и потому представлен часа с два спустя, особо. Когда я целовал руку государыни, тогда князь Григорий Александрович сказал несколько слов в пользу мою; ее величество изволила подать мне другую руку и сказала: «Вот ему в другой раз и другая рука за хорошую его службу». Я не могу выразить тогдашний мой восторг, а скажу только, все последующие в жизни моей награждения никак уже сравняться с ними не могли.

Во время осады Очакова Сенивин был отправлен к Синопу, чтоб этою диверсиею отвлечь турецкий флот на южную часть Черного моря; потом, в ту же вторую турецкую войну, с успехом действовал против турок в Архипелаге. Но громкую славу приобрели ему смелые подвиги у итальянских берегов в войну с французами 1805 года. В рассказе г. Арцымовича сообщены о них некоторые новые подробности, заимствованные из официальных донесений, хранящихся в архиве морского министерства.

Кроме биографий, в «Морском Сборнике» помещено много статей, относящихся к истории нашего флота. Из них значительнейшие: «Плен в Англии корвета Спешный и транспорта Вильгельмина» г. Шульца (№ 1); «Обзор действий на море в течение настоящей войны» г. Шестакова (№ 2); «Очерк плавания транспорта Неман» г. Шульца (№ 3); «История русских призов» кн. Дм. Эр. (№ 6, 7, 8 и 9); «Артиллерийское дело при устье Наровы, 6-го июня 1855 года» г. Лаврова (№ 9); «Несколько сведений об основании Кронштадта» г. Стренцеля (№ 8); «Храм богоявления, существовавший в Кронштадте» (№ 8); «Об

учреждении и изменениях в устройстве адмиралтейств-коллегии» гр. Д. Толстого (№ 6); «Охтенские адмиралтейские селения» г. Мансурова (№ 2). Из этих статей особенно интересна история адмиралтейств-коллегии.

По регламенту, изданному в 1722 году, члены этой коллегии выбирались «из старых или увечных флаг-офицеров, которые мало удобны уже к службе воинской». Наполовину это были иностранцы, не знавшие русского языка, — обстоятельство, вынуждавшее у них иногда очень оригинальные признания. Так, например, вице-президент коллегии, вице-адмирал Крюйс, дал обер-секретарю Тормасову следующее формальное предписание: «Все письма, которые в доклад благородному Коллегию надлежат, смотреть самому (т. е. Тормасову), дабы все управлять, как его царского величества указ повелевает; понеже я (т. е. Крюйс) российскому языку недоволен, а и чрез письменный перевод мне пользы не будет, для того, что я приказному поведению незаобыхаен; того ради вам все дела наперед прочитать и о том тебе самому докладывать, а мимо тебя другим ниже с какими делами к нам не подходить; а которые указы, приговоры и выписки противны его царского величества указу явятся, и в том тебе меня хранить; и... ежели какие дела хотя в малом чем явятся противны его царского величества указам, регламентам и регулам, а я в неведении оные в несмотрении твоём закреплю, то взыщется на вас. И сей указ записать в книгу». Несмотря на преобразование коллегии в 1732 году, прежний порядок дел, по которому, за старостью членов коллегии, всем управляли низшие чиновники, продолжал существовать до Екатерины II, как видим из списка членов, составленного для императора Петра III по запросу: «кто из них в службе быть способен, и кто зачем неспособен?» Ответы были такого рода: о президенте коллегии, князе Голицыне: «За старостию лет и болезнями, более трех лет в коллежское присутствие не приезжает, и по своему чину должности отправлять уже не в состоянии»; об адмирале Мишукове: «Ныне собранию Коллегии объявил, что за старостию на море служить не может; а в адмиралтейском регламенте напечатано: в Коллегии члены обыкновенно выбираются из старых или увечных, которые мало удобны уже к службе воинской, по силе которого и следовало б ему присутствовать в Коллегии; но за глубокою старостию и дряхлостию и ту должность отправлять признается не в силах» и т. д. При Екатерине состав адмиралтейской коллегии был упрощен; со времени же учреждения морского министерства (1805) она сделалась только совещательным собранием при министре.

По теории кораблестроения и мореходства помещено в учено-литературном отделе «Морского Сборника» более десяти статей, из которых назовем: «Проект комплекта гребных судов для 80-пушечного корабля» контр-адмирала фон-Шанца (№ 7); по части истории и теории военного искусства: «Об ударных трубках

590

для разрывных артиллерийских снарядов» г. Константинова (№ 2) и «Последовательные усовершенствования ручного огнестрельного оружия», его же (№ 7). Из последней заимствуем подробности, относящиеся к штуцерам.

При гладкоствольном оружии (т. е. без нарезок в стволе) необходим значительный зазор (т. е. пустое пространство между пулею и стенками ствола); по причине зазора, пуля подвергается не центральному давлению пороховых газов: часть газов, которая прорывается между поверхностью пули и внутреннейю поверхностью канала ствола, производит вращательное движение пули, неправильность которого усиливается толчками пули о стены канала ствола, и после вылета ее из ствола увеличивается сопротивлением воздуха от неправильной формы пули, в которой центр тяжести не совпадает с центром фигуры. Таким образом, пуля на полете переворачивается и меняет свое направление самым неправильным образом. Для предотвращения этих неправильностей, ослабляющих силу выстрела и делающих невозможным верный прицел, единственное средство — сообщить пуле правильное винтообразное движение по оси, которая совпадает с линиею полета ее. С этою целью еще в конце XV века венский оружейник Гаспар Цоллер стал нарезывать в стволе винтовые дорожки, которые сообщают пуле винтообразное кружение и доставляют следующие выгоды: ими отстраняется всякая неправильность вращения пули на полете, и пуля, правильно вертясь вокруг оси своего полета, становится как бы совершенно правильно выточенною, так что на полете центр ее тяжести совпадает с центром ее фигуры, вокруг которого она вертится; кроме того, по отсутствию зазора, сила пороха не тратится, и пуля летит сильнее и дальше. Но зарядание такого оружия (винтовок) требовало столько хлопот и времени, что оно доселе употреблялось только для охоты и стрельбы в цель; в битвах, где нужно заряжать легко и поспешно, винтовки могли только затруднять солдата. Но пуля, придуманная французским капитаном Минье, устранила это неудобство: ею ружье с внутренними нарезками заряжается так же легко и удобно, как простое ружье простою пулею. Она, как известно, имеет конический вид, и на толстом (заднем) конце ее сделано углубление, в которое вставляется чашечка из листового железа. Сила выстрела вгоняет эту чашечку внутрь углубления, и довольно тонкие стенки пули, образующие это углубление, расширяются от напора чашечки, так что самым плотным образом вдавливаются в нарезки ствола и прилегают к его стенкам, между тем как до этого расширения пуля могла двигаться по стволу свободно, и, следовательно, зарядить ея ружье было совершенно легко. Это простое, но важное изобретение дало возможность вооружить войска нарезным оружием, имеющим все достоинства охотничьих винтовок, но могущим посылать один выстрел за другим так же быстро, как прежние простые ружья.

Нам остается теперь, упомянув о прекрасном описании Пулковской обсерватории г. Савича (№ 8), перейти к рассказам о путешествиях, принадлежащим к числу лучших статей «Морского Сборника». Оригинальные статьи этого содержания, помещенные в книжках нынешнего года, почти все относятся к плаванию экспедиции, которую снаряжало русское правительство с целью убедить японцев открыть свои порты европейской торговле. Введением к ряду этих интересных отрывков служит прекрасная статья Зибольда «Действия России и Нидерландов к открытию Японии для торговли всех народов» (№ 3); карта Японии, приложенная к этой статье, очень любопытна потому, что есть снимок с карты, составленной и гравированной японскими учеными. В следующих номерах «Сборника» помещены три статьи г. Гончарова: «Заметки на пути от Маниллы до берегов Сибири» (№ 5); «Из Якутска» (№ 6) и «Русские в Японии» (№ 9). Хвалить эти статьи, написанные с всегдашним талантом автора «Обыкновенной истории», мы считаем совершенно излишним, точно так же как и замечать, что литературные достоинства их возвышаются малоизвестностью тех стран, которые описывает г. Гончаров. Корея, о которой преимущественно говорится в первом отрывке из записок русского путешественника, была посещается европейцами едва ли не реже, нежели даже самая Япония; а Якутск, о котором рассказывает г. Гончаров в другой статье, известен, кажется, гораздо менее Нагасаки. Мы позволяем себе привести здесь один отрывок из прекрасных записок г. Гончарова, — рассказ о визите к нагасакскому губернатору для торжественной передачи депеш.

«Что это? откуда я? где был, что видел и слышал? Прожил ли один час из Тысячи одной ночи, просидел ли в волшебном балете, или так мелькнул перед нами один из тех калейдоскопических узоров, которые мелькнут раз в воображении, поразят своею яркостью, невозможностью и пропадут без следа?

Вы, конечно, бывали во всевозможных балетах, видали много картин в восточном вкусе и потом забывали, как минутную мечту, как вздорный сон, прервавший строгую думу, оторвавший вас от настоящей жизни? Ну, а если б вдруг вам сказали, что этот балет, эта мечта, узор, сон — не балет, не мечта, не узор и не сон, а чистейшая действительность? — «Где-нибудь на островах, у Излера?» возразите вы. Да, на островах, конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно Ками Сама, нагасакского губернатора. Мы сейчас от него. Не подумайте, чтоб там поразила нас какая-нибудь нелепая пестрота, от которой глазам больно, груди ярких тканей, драгоценных камней, ковров, арабески, все, что называют восгочною роскошью, — нет, этого ничего не было. Напротив, все просто, скромно, даже бедно, но все странно, ново; что шаг, то небывалое для нас.

Еще 5, 6 и 7 сентября ежедневно ездили к нам гокейны договариваться о церемониале нашего посещения. Вы там, в Европе, хлопочете в эту минуту о том, быть или не быть, а мы целые дни бросили над вопросами — сидеть или не сидеть, стоять или не стоять, потом как и на чем сидеть и т. п. Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятаках. Станьте на колени и потом сядьте на пятки — вот это и значит сидеть по-японски. Попробуйте, увидите, как легко; пяти минут не просидите, — а японцы сидят по нескольк

часов. Мы объявили, что не умеем так сидеть, а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах. Но японцы тоже не умеют сидеть по-нашему, а кажется, чего проще? — с непривычки у них затекают ноги. Припомните, как угощали друг друга *Журавль* и *Лисица* — это буквально одно и то же. На другой день, рано утром, явились японцы, среди дня опять японцы и к вечеру они же. То и дело приезжает их длинная, широкая лодка, с шелковым хвостом на носу, с разрубленной кормой. Это младшие толки едут сказать, что сейчас будут старшие толки, а те возвещают уже о прибытии *юкейнсов*. Зачем еще? «Да все о церемониале», — «Опять?» — Мнение губернатора привезли — «Ну?» — «Губернатор просит, нельзя ли на полу-то вам посидеть?».. начал со смехом и ужимками Кичибе.

Он, воротясь из Едо, куда был послан, кажется, чтоб присутствовать при переговорах с американцами, заменил *Абоду* и *Садагору*, как старший. — «Ах, ты боже мой! ведь сказали, что не сядем, не умеем, и платя у нас не так шиты, и тяжело нам сидеть на пятках...» — «Да вы сядьте хоть не на пятки, а протяните ноги куда-нибудь в сторону...» — «Не оставить ли их на фрегате?» ворчали у нас и, наконец, рассердились. Мы объявили, что привезем свои кресла и стулья и сядем на них, а губернатор пусть сидит, на чем и как хочет. — Кичибе, *Абода* и *Садагора*, все поникли головой, но потом согласились. Все это говорили они нам в капитанской каюте. Адмирал объявил им утром свой ответ, и, узнав, что они вечером приехали опять с пустяками, с объяснениями о том, как сидеть, уже их не принял, а поручил разговаривать с ними нам. «Да вот еще, просили они: губернатор желал бы угостить вас, так просит принять завтрак». — «С удовольствием», приказал сказать адмирал. — «После разговора о делах, продолжал Кичибе, губернатор пойдет к себе отдохнуть, и вы тоже пойдете отдохнуть в другую комнату, прибавил он, вертясь на стуле и судорожно смеясь, да и... позавтракаете». — «Одни?» спросили его: вы никак с ума сошли? У нас в Европе этого не делается». — «По-японски это весьма употребительно, сказали они, мы так всегда... Но, кажется, глали: они хотели подражать адмиралу, который велел приготовить в первое свидание завтрак для *гокейнсов* и поручил нам угощать их, а сам не присутствовал. — Боже мой, сколько просьб, молений! Кичибе вертелся, суетился, судорожно хохотал: у него по вискам лились потоки испарины. *Абода* кланялся, улыбался, как только мог хуже. *Суровый Садагора*, и тот осклабился. Но мы были непреклонны. Все толки опечалились. Со вздохом перешли они потом к другим вопросам, например, к тому, в чьих шляпках мы поедем, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этим хотят выразить нам уважение. Но мы уклонились и сказали, что у нас много своих. Опять упрасиванья с их стороны, отказ с нашей; у них вытянулись лица. Все это такие мелочи, о которых странно бы было спорить, если б они не вели за собой довольно важных последствий. Уступка их настояниям в пустяках могла дать им повод требовать уступок и в серьезных вопросах и, пожалуй, к некоторой заносчивости в сношениях с нами».

«У нас стали думать, чем бы оказать им внимание, чтоб смятчить отказы, и придумали шить легкие полотняные или коленкоровые башмаки, чтобы надеть их сверх сапог, входя в японские комнаты. Это — восточный обычай скидывать обувь, и японцам, конечно, должно понравиться, что мы не хотим топтать их пола, на котором они едят, пьют и лежат. Пошла суматоха. Надо было в сутки шить, разумеется, на живую нитку, башмаки. Всех заняли, кто только умел держать в руках иглу. Судя по тому, как плохо были шиты мои башмаки, я подозреваю, что их шил сам *Фадеев*, хотя он и обещал дать шить паруснику. Некоторые из нас подумывали было ехать в калошах, чтоб было что снять при входе в комнату, но для однообразия последовали общему примеру. Впрочем, я, пожалуй, непрочь бы и сапоги снять, даже сесть на пол, лишь бы присутствовать при церемонии. Вечером, видим, опять едут японцы. — Который это раз! «Зачем?» — «Да все о церемониале». — «Что еще?» — «Губернатор просит, нельзя ли вам угоститься без него: так выходит хорошо по-японски», говорит Кичибе. «А по-русски не выходит», отвечают ему. Начались поклоны и упрасиванья. «Ну, хорошо, скажите им, при-

казал объявить адмирал, узнав, зачем они приехали: — что, пожалуй, они могут подать чай, так как это их обычай, но чтоб о завтраке и помину не было». Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе: видно, ему приказано от губернатора непременно устроить, чтоб мы приняли завтрак; губернатору, конечно, предписано от Горочью, а этому от Сиогуна. — «Еще губернатор, начал Кичибе, просит насчет шляпок: нельзя ли вам ехать на нашей...» — «Нельзя», коротко и сухо отвечено ему. Стали потом договариваться о свите, о числе людей, о карауле, о носилках, которых требовали для всех офицеров непременно, и обо всем надо было спорить почти до слез. О музыке они не сделали, против ожидания, никакого возражения: вероятно, всем, в том числе и губернатору, хотелось послушать ее. Уехали. На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновению, настоять на угощении завтраком, также на том, чтоб ехать на их шляпках, но напрасно. Им очень хотелось настоять на этом, конечно, затем, чтоб показать народу, что мы не едем сами, а нас везут, словом, что чужие в Японии воли не имеют. Потом переводчики попросили изложить по-голландски все пункты церемониала и отдать бумагу им, для доставления губернатору. Им сказано, что бумага к вечеру будет готова и чтоб они приехали за ней, но они объявили, что лучше подождут. Я ушел обедать, а они все ждали, потом лег спать, опять пришел, а они не уезжали, и так прождали до ночи. Им дали на юте обедать и П. обедал с ними. Нужды нет, что у них не едят мяса, а они ели у нас пирожки с говядиной, и суп с курицей. Велели принести с лодок и свой обед, между прочим рыбу, жареную, *прессованную* и разрезанную правильными кусочками. К. Н. П. говорит, что это хорошо. Не знаю, правда ли: он, в деле гастрономии, такой снисходительный. Они уехали, сказав, что свидание назначено завтра, 9-го числа, что *рентмейстер*, первый после губернатора чиновник в городе, и два губернаторских секретаря придут известить нас, что губернатор готов приять. Мы назначили ему 10 часов утра. Тут они пустились в договоры, как примем, где посадим чиновников. — «На креслах, на диване, на полу: пусть сядут где хотят, направо, налево, пусть влезут хоть на стол», сказано им. — Нельзя ли нарисовать, как они будут сидеть?» сказал Кичибе. Ну, сделайте милость: скажите, что делать с таким народом? А надо говорить о деле: дай бог терпение! Вот что значит запереться от всех: незаметно в детство впалшее. Настало вождеденное утро. — Мы целый месяц здесь: знаем подробно японских свиней, оленей, даже раков, не говоря о самих японцах, а о Японии еще ничего сказать не могли.

Но я забыл, что нас ждет Овосава Бунгоно Ками Сама, нагасакиский губернатор. Мы остановились на крыльце, а караул и музыканты на дворе. В сенях, или первой комнате, устланной белыми циновками, мы увидели и наших переводчиков. Впереди всех был Кичибе. Уж он маялся от нетерпения, ему, повидимому, давно хотелось очнуться от своей неподвижности, посулеститься, подвигаться, пошуметь и побегать. Только что мы на крыльцо, он вскочил, начал кланяться, скалил зубы и усердно показывал рукой на амфиладу комнат, приглашая идти. Тут началась церемония надевания коленкорových башмаков. Мы натаскивали, натаскивали с Фадеевым, едва натащили. Я не узнал Фадеева: весь в красном, в ливрее, в стоячем воротнике, а лицо на сторону — неподражаем. Он числился при адмиральской каюте с откомандированием, для прислуги, ко мне.

Мы пошли по комнатам: с одной стороны заклеенная, вместо стекол, бумагой рама доходила до полу, с другой — подвижные бумажные разрисованные, и весьма недурно, или сделанные из позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, так что не узнаешь, одна ли это огромная зала или несколько комнат. В глубине комнат сидели, в несколько рядов, тесной кучей, на пятках, человеческие фигуры, в богатых платьях, с комическою важностью. Ни бровь, ни глаз не шевелились. Не слышно и не видно было, дышат ли, мигают ли эти фигуры, живые ли они, наконец? и сколько их! Вот целые ряды в

большой комнате, вот две только массивные фигуры седых стариков, в маленьком проходе, далее опять длинные шеренги. Тут и молодые и старые, с густыми и жиденькими косичками, похожими на крысий хвост. Какие лица, какие выражения на них! Ни одна фигура не смотрит на нас, не следит с жадным любопытством за нами, а ведь этого ничего не было у них 40 лет и почти никто из них не видал других людей, кроме подобных себе. Между тем, все они уставили глаза в стену или в пол, и, кажется, побились об заклад о том, кто сделает гримасу глупее. Все, более или менее, успели в этом, многие, конечно, неумышленно. Общий вид картины был невыразим. Я был, как нельзя более, доволен этим странным, фантастическим зрелищем. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдруг чей-то шопот. Гляжу — на мне сапоги. А где башмаки? «Еще за три комнаты оставил», говорят мне. Я увлекся и не заметил. Я назад: в самом деле, башмаки лежат на полу. Сидевшие в этой комнате фигуры продолжали сидеть так же смиренно и без нас, как при нас; они и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но остальных не я один: то тот, то другой наклонится и подбирает башмаки. Наконец, входим в залу, светлее и больше других, с голыми стенами или ширмами, только справа в стене стоял в нише золоченый большой лук. Знак ли это губернаторского сана или так, украшение — я добиться не мог. Зала, как и все прочие комнаты, устлана была до того мягкими циновками, что идешь как по тюфяку. Здесь эффект сидящих на полу фигур был еще ярче. Я насчитал их тридцать. В одно время с нами показался в залу и Овосава Бунгоно Ками Сама, высокий, худощавый мужчина, лет пятидесяти, с важным, строгим и довольно умным выражением в лице. Овосава — это имя, Бунгоно — нечто вроде фамилии, которая, кажется, дается, как и в некоторых европейских государствах, от владений, поместьев или земель, по крайней мере, так у высшего сословия. Частица *но* повторяется в большей части фамилий и есть, кажется, не что иное, как грамматическая форма. *Ками* — почетное название, вроде нашего *и кавалер*; Сама — господин, титул, прибавляемый сзади имен всех чиновных лиц.

Мы взаимно раскланялись. Кланаясь, я случайно взглянул на ноги — проклятых башмаков нет как нет. Они лежат подле сапог. Опираясь на руку Б. К., которую он протянул мне из сострадания, я с трудом напялил их на ноги. «Нехорошо!» прошептал чуть слышно Б. и засмеялся, слышным только мне да ему, смехом, похожим на кашель. Я, вместо ответа, показал ему на его ноги; они были без башмаков. «Нехорошо», прошептал я в свою очередь. А между тем губернатор, после первых приветствий, просил передать ему письмо и, указывая на стоявший на маленьком столике, маленький же лакированный ящик, предложил положить письмо туда. Тут бы следовало, кажется, говорить о деле, но губернатор просил прежде *отдохнуть*, бог ведает от каких подвигов, и потом уже возобновить разговор, а сам скрылся. Первая часть свидания прошла, по уговору, стоя. В *отдыхальне*, как мы прозвали комнату, в которую нас повели и чрез которую мы проходили, не было никого, сидящие фигуры убралась вон. Там стояло привезенное с нами кресло и четыре стула. Мы тотчас же и расположились на них. А кому недостало, те присутствовали тут же стоя. Нечего и говорить, что пришел в *отдыхальню* без башмаков: они остались в приемной зале, куда я должен был сходить за ними. Наконец, я положил их в шляпу и дело так и осталось. За нами вслед, шумной толпой, явились знакомые лица, переводчики, они ринулись на пол и в три ряда уселись, по-своему. Мы завели с ними разговор. «У вас стекло нет вовсе в рамках?» спросил К. Н. П. «Нет». Молчание. «У вас все дома в один этаж или бывают в два этажа?» спрашивал П. «Бывает в два», отвечал Кичибе и поглядел на Льюду. «И в три», сказал тот и поглядел на Садагора. «Бывает тоже и в пять», сказал Садагора. Мы засмеялись. «Часто у вас бывают землетрясения?» спросил П. «Да, бывают», отвечал Садагора, глядя на Льюду. «Как часто, в 10 или в 20 лет?» «Да и в 10, и в 20 лет бывает», сказал Льюда, поглядывая на Кичибе и на Садагору. «Горы разделяются и дома падают», прибавил Садагора. И в этом тоне продолжался разговор.

Вдруг из дверей явились, один за другим, двенадцать слуг по числу гостей, каждый нес обеими руками чашку с чаем, но без блюдечка. Подойдя к гостю, слуга ловко падал на колени, кланялся и ставил чашку на пол, за неимением столов и никакой мебели в комнатах, вставал, кланялся и уходил. Ужасно неловко было тннуться со стула к полу в нашем платье. Я протягивал то одну, то другую руку, и насилу достал. Чай отличный, как желтый китайский. Он густ, крепок и ароматен, только без сахара. Опять появились слуги: каждый нес прибор, лакированную деревянную подставку, с трубкой, табакон, маленькой глиняной жаровней, с горячими углями и пепельницей, и тем же порядком ставили перед нами. С этим еще было труднее возиться. Японцам хорошо, сидя на полу и в просторном платье, проделывать все эти штуки, набивать трубку, закуривать углем, вытряхивать пепел, а нам каково со стула? Я опять вспомнил угощение *Лисицы* и *Журавля*. Хотя табак японский был нам уже известен, но мы сочли долгом выкурить по трубке, если только можно назвать трубкой эти наперстки, в которые не поместится щепоть нюхательного, не то что курительного табаку. Кажется, я выше сказал, что японский табак чрезвычайно мягок и крошится длинными волокнами. Он так мелок, что в пачке с первого взгляда похож на кучу какой-то темно-красной пыли. Трудно было нагнуться со стула к жаровне, стоявшей на полу; я хотел взять уголь рукой, но роль Сцеволы оказалась не по мне и я уронил уголь на цыновку; надо было проворно поднять его, чтоб не испортить цыновки, и положить в жаровню, потом дуть на пальцы. Я проклял журавлиное угощение.

Кичибе суетился: то побежит в приемную залу, то на крыльцо, то опять к нам. Между прочим, он пришел спросить, можно ли позвать музыкантов отдохнуть. «Хорошо, можно», отвечали ему и в то же время послали офицера предупредить музыкантов, чтобы они больше одной рюмки вина не пили.

Только что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый с деревянным, гладко отесанным и очень красивым, хотя и простым ящиком. Поставили перед нами по ящику: кто постарше, тем на ножках, прочим — без ножек. Открываем — конфеты. Большой кусок чего-то вроде торта, потом густое, как тесто желе, сложенное в виде сердечка. Далее рыбка, из дрянного сахара, крашенная и намазанная каким-то маслом. Наконец, медкие сухие конфеты: обсахаренные плоды и между прочим морковь. Не правда ли, отчаянная смелость в деле кондитерского искусства? А ничего, не дурно: если, на основании известной у нас в народе поговорки, можно «съесть и обсахаренную подошву», то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многого не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная от вареной в сахаре моркови до пороху включительно!

Наконец, не знаю, в который раз, вбежавший Кичибе объявил, что если мы отдохнули, то губернатор ожидает нас, т. е. если устали, хотел он, верно, сказать. В самом деле устали от праздности. Это у них называется дело делать. Мы пошли опять в приемную залу и начался разговор. Прежде всего сели на принесенные в залу кресла, а губернатор на маленькое возвышение на четверть аршина от пола. Кичибе и Лёда оба лежали подле наших стульев, касаясь лбом пола. Было жарко, крупные капли пота струились по лицу Кичибе. Он выслушивал слова губернатора, бросая на него с полу почтительный и, как выстрел, пронзительный взгляд, потом приподнимал голову, переводил нам и опять ложился лбом на пол. Лёда лежал все время так и только исподлобья бросал такие же пронзительные взгляды, то на губернатора, то на нас. Старший был Кичибе, а Лёда присутствовал только для проверки перевода, и, наконец, для того, что в одиночку они ничего не делают. Кругом, ровным бордюром вдоль стен, сидели на пятах все чиновники и свита губернатора. Воцарилось глубочайшее молчание. Губернатор вынул из лакированного ящика бумагу и начал читать чуть слышным голосом, но внятно. Только он кончил, один старик лениво встал из ряда сидевших по правую руку, подошел к губернатору, стал, или, лучше, пал на колена, с поклоном принял бумагу, пошел к Кичибе, опять пал на колена, без поклона подал бумагу ему и сел на свое место. После этого вдруг раздался

крикливый, жесткий, как карканье вороны, голос Кичибе. Смеяться он не смел, но втягивал воздух в себя; гримасам и всхлипываниям не было конца.

В бумаге заключалось согласие Горочью принять письмо. Только было, на вопрос адмирала, я разинул рот отвечать, как губернатор взял другую бумагу, таким же порядком прочел ее, тот же старик, секретарь, взял и передал ее, с теми же церемониями Кичибе. В этой второй бумаге сказано было, что «скорого ответа на письмо быть не может». Оно покажется не логически, не прочитавши письма, сказать, что скорого ответа не может быть. Так, но, имея дело с японцами, надо отчасти на время отречься от европейской логики и помнить, что ведь это крайний восток.

Пока читали бумаги, я всматривался в лица губернатора и его придворных, занимаясь сортировкой физиономий — на смысленные, живые, вовсе глупые, или только затупелые, от недостатка умственного движения. Было также несколько загадочных, скрытных и лукавых лиц. У многих в глазах прятался огонь, хотя они и смотрели, по обыкновению, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящие страсти, непробужденные и нетронутые желанием, вместо которых выглядывало детское притворство или крайняя неловкость. У них, кажется, в обычае казаться при старшем как можно глупее и оттого тут было много лиц глупых из почтения. Если губернатор и казался умнее всех прочих, так это, может быть, и потому, что он был старше всех. А в Едо, верно, и он кажется глуп. Одно лицо забавнее другого. Вон и все наши приятели: Баба Городзаймон, например. Его узнать нельзя: он, из почтения, даже похудел немного. Чиновники сидели, едва смея дохнуть, и так ровно, как будто во фронте. Напрасно я хочу поздороваться с кем-нибудь глазами. Ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики не показывают вида, что замечают нас. Впрочем, в их уважении к старшим я не заметил страха или подобострастия. Это делается у них как-то проще, искреннее, с теплотой, почти, можно сказать, с любовью, и оттого это не неприятно видеть. Что касается до лежания на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняют они в торжественных случаях, то, вероятно, это если не комедия, то балет в восточном вкусе, во всяком случае — спектакль, предствленный для нас. Должно быть, и японцы в другое время не сидят, точно одурелые, или как фигуры воскового кабинета, не делают таких глупых лиц и не валяются по полу, а обходятся между собою проще и искреннее, как я мы не таскаем же между собой везде караул и музыку. Так думалось мне, и мало ли что мне думалось!

Еще мне понравилось в этом собрании шелковых халатов, юбок и льняных мантилий отсутствие ярких и резких красок. Ни одного цельного цвета, красного, желтого, зеленого — все смесь, нежные, смягченные оттенки того, другого или третьего. Не верьте картинкам, на которых японцы представлены какими-то попутаями. И простой народ здесь не похож костюмами на ту толпу мужчин, женщин и детей, которую я видел на одной плантации в Сингапуре. Там я поражен был смесью ярких платьев на малайцах и индейцах и счел их за какое-то собрание птиц в кабинете натуральной истории. Здесь в толпе низшего класса, в большинстве, во-первых, бросается в глаза нагота, как я сказал, а потом преобладает какой-нибудь один цвет, но не из ярких, большею частью синий. В платьях же других высших классов допущены все смешанные цвета, но с большою строгостью и вкусом в выборе их. Пробегая глазами только по платьям и не добираясь до этих бритых голов, тупых взглядов и выдавшихся верхних челюстей, я забывал, где сижу; вместо крайнего востока — как будто на крайнем западе; цвета, как у европейских женщин. Я заметил не более пяти штофных, и то не ярких юбок, у стариков. У прочих, у кого гладкая, серая или дикого цвета юбка, у других темно-синего, цвета *Adelaide, vert de gris, vert de romme*, словом, все наши новейшие модные цвета, *couleurs fantaisie*, были тут.

Губернатор был в халате и юбке одного цвета, *pensée*, с темными тоненькими волосками. Мантилья его покроем отличалась от других. У всех прочих спина и рукава гладкие, последние у кисти руки широкие, все вместе похоже на мантильи наших дам; у него рукава с боков разрезаны и от них идут ка-

кие-то надставки, вроде маленьких крыльев. Это, как я узнал после, полупарадный костюм, соответствующий нашим виц-мундирам. Скажите, думал ли я, думали ли вы, что мне придется писать о японских модах?

С какой холодной важностью и строгостью в лице, с каким достоинством говорил губернатор, глядя полусурово, но с любопытством, на нас, на новые для него лица, манеры, прически, на шитые золотом и серебром мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращение. Мы скрадывали невольные улыбки, глядя, как он старался поддержать свое, истинно японское достоинство. Но это длилось недолго. Вдруг, когда он стал объяснять, почему скоро нельзя получить ответа из Едо, приводя, между прочими причинами, расстояние, адмирал сделал ему самый простой и естественный вопрос, «а если мы сами пойдем в Едо морем, на своих судах, дело значительно ускорится? Мы, при хорошем ветре, можем быть там в какую-нибудь неделю. Как он думает?» Какая вдруг перемена с губернатором! что с ним сделалось? куда делся торжественный, сухой и важный тон и гордая мина? Его японское превосходительство смутился. Он вдруг снизошел с высоты своего величия, как-то иначе стал сидеть, смотреть. Потом склонил немного голову на левую сторону, и с умильной улыбкой, мягким, вкрадчивым голосом говорил тихо и долго, «Хи, хи, хи!» слышалось только из Кичибе, который, как груда какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверх дном шляпку, лежал, судорожно подергиваясь от этого, всем существом его произносимого хи. Губернатор говорил, что «японскому глазу больно видеть чужие суда в других портах Японии, кроме Нагасаки, что ответа мы тем не ускорим, когда пойдем сами», и т. п. Потом начался учтивости. С обеих сторон уверяли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: нам в самом деле любопытно было видеть губернатора, тем более, что мы месяц не сходили с фрегата и, во всяком случае, видели в этом развлечение. Но за г. Овосаву можно было поручиться, что в нем в эту минуту сидел сам отец лжи, дьявол, к которому он из, конечно, и посылал мысленно. Говорят, не в пору гость хуже татарина; в этом смысле русские были для него действительно хуже татар. Овосаве оставалось всего каких-нибудь два месяца до отъезда, когда мы приехали. Событие это, т. е. наш приезд, так важно для Японии, что правительство сочло необходимым присутствие обоих губернаторов в Нагасаки. Не правда ли, что Овосава Бунгоно имел причину сетовать на наше посещение?

После размена учтивостей, губернатор встал и хотел было уходить, но адмирал предложил еще некоторые вопросы. Губернатор просил отложить их до другого времени, опасаясь, конечно, всяких вопросов, на которые, без разрешения из Едо, не знал бы что отвечать. Он раскланялся и скрылся. Мы пошли назад. За нами кинулась толпа чиновников и переводчиков. Тут был и Баба Городзаймон. «Здравствуй, Баба!» сказал я, уж не помню, на каком языке. Он приветливо кивнул головой. Тут мы видели его чуть ли не в последний раз. Его в тот же день усадили с нашим письмом в Едо. Он был счастлив: он тоже отслужил годичный срок и готовился уехать с губернатором к семейству, в объятия супруги, а может быть и супруг: у них многоженство не запрещено.

Проходя через отдыхальню, мы были остановлены переводчиками. Они заступили нам дорогу и просили — покушать. В комнате стоял большой, прекрасно сервированный стол, уставленный блюдами, бутылками всех форм, т. е. мадерой, бордо, и чего-чего там не было! Все на европейский лад: вероятно, стол, посуда и даже хлеб и кушанья — взятые были у голландцев. Адмирал приказал повторить свое неизбежное условие, т. е. чтобы губернатор участвовал в завтраке. Кичибе кланялся, разводил руками, давился судорожным смехом и все двигался к столу, усердно приглашая и нас. Другие не отставали от него, улыбаясь, приседали — все напрасно. Мы покосились на завтрак, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиков. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караул отдал честь полномочному, и мы, в прежнем порядке, двинулись к пристани.

Заметим еще статью г. Фесуна: «Каллао и Лима» (№ 7) — интересную уж по одному тому обстоятельству, что со времен капитана Головнина, посетившего Перу в 1818 году, в этой стране еще не был ни один русский военный корабль, до фрегата «Авроры», в числе офицеров которого находился автор рассказа, представляющего некоторые любопытные подробности о состоянии Перу и столицы этого государства.

Из множества разнообразных статей, помещенных в «Смеси», укажем постоянные свежие и очень дельные известия о флотах важнейших морских держав, особенно Англии и Франции, о всех новейших улучшениях в кораблестроении, также выписки из статей иностранных газет о различных военных действиях союзных флотов в настоящую войну.

В библиографии помещены рецензии новейших русских и иностранных сочинений по морской части; из них заслуживает особенного внимания подробный разбор сочинения английского генерала Дунсаса «О морской артиллерии».

Оканчивая наш отчет о первых девяти книжках «Морского Сборника» за текущий год, повторим, что, по общему суждению всех своих читателей, этот журнал в настоящее время столько же превосходит все остальные наши специальные периодические издания по своему достоинству, как и по объему. А внимательное рассмотрение его массивных книжек убеждает в том, что редакция, стараясь исполнить высокую волю его императорского высочества, великого князя Константина Николаевича, деятельно и успешно заботится о всевозможном усовершенствовании «Сборника», успевшего уже занять почетное место в русской ученой литературе.